

I. Материалы региональной научной конференции, проведенной в формате “круглого стола” «Отечественная война 1812 года и историческая память»

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет
Екатеринбургский военно-исторический клуб «Горный щит»

**«ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»**

ПРОГРАММА
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМАТЕ
«КРУГЛОГО СТОЛА»
Екатеринбург, 6 марта 2012 г. в 15.00

Предлагаются к обсуждению следующие вопросы:

1. 1812 год: проблемы источниковедения и историографии.
2. Наполеоновские войны в исторической памяти народов.
3. Война 1812 года и кросскультурные процессы.
4. Культурное наследие 12-го года.

Организационный комитет:

Клименко Иван Михайлович, кандидат педагогических наук, профессор, декан исторического факультета Уральского государственного педагогического университета;

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Емельянов Александр Вячеславович, председатель Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит», участник движения военно-исторической реконструкции;

Сутырин Борис Алексеевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Ведущий дискуссии:

Земцов Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. всеобщей истории УрГПУ.

Участники дискуссии:

Архипов Александр Михайлович, член ЕВИК «Горный щит», поисковик;

Бобров Аркадий Викторович, член ЕВИК «Горный щит», поисковик;

Грибан Ирина Владимировна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ, директор Музея истории УрГПУ;

Емельянов Александр Вячеславович, председатель ЕВИК «Горный щит»;

Корсапова Светлана Анатольевна, зам. директора по науке Свердловского областного краеведческого музея;

Клименко Иван Михайлович, канд. пед. наук, профессор, декан исторического ф-та УрГПУ;

Кручинин Александр Михайлович, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член ЕВИК «Горный щит»;

Орлова Александра Алексеевна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Постникова Алена Александровна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Рукоусев Евгений Юрьевич, канд. ист. наук, доцент каф. истории России УрГПУ, ст. науч. сотрудник ИИиА УрО РАН;

Семенничева Елена Васильевна, зав. отделом Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (г. Москва);

Слободяник Лада Сергеевна, докторант Высшей школы экономики (г. Прага);

Сутырин Борис Алексеевич. канд. ист. наук, профессор, профессор каф. всеобщей истории УрГПУ;

Токарева Елена Евгеньевна. член ЕВИК «Горный щит»;

Хомченко Сергей Назарович. канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (г. Москва);

Швецова Светлана Константиновна, зав. отделом методического центра Свердловского областного краеведческого музея;

Шистеров Максим Валерьевич, канд. ист. наук, ст. преподаватель каф. всеобщей истории УрГПУ;

Ячменева Наталья Валентиновна, зав. методическим кабинетом исторического ф-та УрГПУ;

Стенограмма «круглого стола» конференции (печатаются с сокращениями)

[Участники конференции просматривают слайды, отражающие формы культурно-исторической памяти о событиях 1812 г., с комментарием В.Н. Земцова.]

В.Н. Земцов: Я полагаю, что наш сегодняшний разговор надо начать с того, что в представлении историков, людей – по крайней мере, нам так кажется – науки, формирует историческую память. Это то, что мы называем историографией. Затем перейдем к другим аспектам, которые связаны с исторической памятью. Позвольте предоставить слово Максиму Валерьевичу, который скажет несколько слов по этому поводу.

М.В. Шистеров: Да, хотя я, вероятно, буду больше говорить об историографии. Впрочем, на самом деле все эти вещи – источниковедение и историография – в нашем случае тесно переплетаются. Подчас сложно даже определить как тот или иной источник классифицировать: историографический он или исторический (многое зависит от аспекта рассмотрения). Тем более, когда мы говорим о нарративной национальной историографической традиции и анализируем ее элементы в рамках того или иного культурного пространства, мы, так или иначе, обращаемся к историческому источнику (прежде всего, личного происхождения, отражающего эмоции, мысли и чувства человека), потому что, будучи субъективным авторским творением, он выражает определенное видение ситуации через использование разного вида модальностей – оценочных суждений. Если мы обратимся к историографии более позднего времени (оставив в стороне методологический аспект), то мы, в сущности, не увидим там ничего принципиально нового в модально-

аксиологическом плане. В то же время историография войны 1812 г. обширна и постоянно пополняется, поэтому даже просто обозреть ее представляет немалый труд. Еще сложнее ее систематизировать и классифицировать. Поэтому в диссертации, написанной более 3 лет назад, мы предложили такой способ классификации как выделение «национальных историографических традиций», что существенно отличается от более привычного страноведческого подхода. Так, например, немецкая историография при определенном внутреннем единстве оказалась очень противоречивой. Ведь на ее формирование оказали влияние не только немцы, восставшие на стороне Наполеона, но и те, кто служил в 1812 г. в русской армии. Можно вспомнить и историю Германии в XX в., которая также не способствовала формированию «единого взгляда» на проблему. Поэтому немецкая историография столь неоднозначна. В этой связи напрашивается какой-то иной подход, иная калибровка. И вот тогда мы предпочли говорить о «национальных историографических традициях» (далеко не совпадающих с изменяющимися государственно-политическими границами). Сегодня, я бы даже сказал, что правильнее было определить их как национально-культурные традиции, потому что смысл здесь отнюдь не исчерпывается неким узким стереотипным национально-политическим взглядом на проблему. В сущности, проблему следовало бы рассматривать значительно глубже, чем мы тогда делали, но за этим будущее... Кто-то этим, наверно, займется и, думаю, сумеет исследовать проблему более глубоко.

Следует исходить из того, что принципиально в основе любой культуры (культуры как социального пространства жизни) лежит миф, поэтому, если понимать под словом «миф» не просто некий ложный или псевдоисторический рассказ, но некие, так сказать, сознательные и бессознательные искажения, говорить о «мифе», как о способе взаимодействия человека с миром (реальностью), то любой социализированный человек, так или иначе, – живет в мифе, в пространстве мифа. Поэтому историографии «вне мифа» быть не может, она отражение культурного кода мифа, способ его трансляции. Поэтому сегодня изучая историографию войны 1812 года мы, в действительности, изучаем «национальные мифы» о войне: французский миф, немецкий миф (или мифы), англо-саксонский миф... Вот, англо-саксонская историография некоторое время назад казалась мне более или менее монолитной, сейчас я бы уже не был столь категоричен: она тоже представляет собой некое единство, но в многообразии. В конечном итоге, очень интересно наблюдать за тем как эти мифы и национальные традиции взаимодействуют и изменяются на наших глазах. Диссертация была написана три года назад. И за эти три года произошли такие перемены, которые, по-хорошему, составляют часть этой диссертации переписать, потому что современный

мир очень быстро меняется. Это, кстати, заставляет задуматься о будущем «национальных традиций». Уже в диссертации мы отмечали, что в современных условиях рамки «национальных традиций» начинают постепенно исчезать, разрушаться. Традиции начинают проникать друг в друга, видоизменяться и обогащаться за счет иных традиций. Причем способы взаимодействия (и их результаты!) могут быть совершенно разными. Это может быть не просто взаимодействие на основе обмена теми или иными достижениями, но и путем своеобразного «присвоения» пространства чужой традиции, без признания, так сказать, ее заслуг, то есть путем откровенного плагиата при помощи оборотистых товарищей (этаких маргинализованных элементов, сформировавшихся на стыке разных традиций и выполняющих функции своеобразных «переводчиков»), которые имеют возможность выдать за свое то, что они «позаимствовали» где-то за пределами пространства данного культурного мифа. <...>

Если говорить о проблемах, которые стоят сегодня перед отечественной историографией, то они собственно хорошо известны специалистам, и здесь я ничего нового сказать не могу. В общих чертах эти проблемы сводятся к нескольким основным пунктам.

Во-первых, остро ощущается необходимость введения в научный оборот новых источников (прежде всего, зарубежных). Собственно, этот процесс постепенно идет... Кстати, мне представляется, что большие возможности здесь открывают не только зарубежные архивы, хранящие многие еще не обработанные документы, но также отечественные архивохранилища (регионального и федерального уровня), документация которых еще далеко не полностью введена в оборот. Хорошо известно, что значительная часть материалов, исходивших от руководства российской армии, была написана на немецком или французском языках. В советское время эти документы почти не использовались или использовались ограниченно. Полных переводов их также зачастую не существует, есть только какие-то фрагменты, и т. д. Другими словами, мне представляется, что нам нужно еще со своими источниками толком разобраться и, по-хорошему, провести ревизию всего того, что было опубликовано и прокомментировано в прежние годы. А что касается источников зарубежного происхождения, то, конечно, здесь дело не только в доступе к ведущим французским архивам, следует обратить внимание (на что указывали и участники нашего «круглого стола») на материалы архивов так называемых «малых» стран и народов Европы: швейцарские, австрийские, чешские архивы еще хранят, вероятно, немало источников, проливающих свет на историю национальных частей Великой армии Наполеона.

Вторая проблема, которая стоит перед отечественными историками – это проблема методологического свойства. Потому что вполне очевидно, что историческая наука за последнее время очень сильно изменилась. На Западе эти перемены происходят гораздо быстрее, у нас, как обычно, несколько медленнее, с запаздыванием. Но, так или иначе, мы движемся в ту же сторону, и очень хочется, чтобы этот процесс шел быстрее и динамичнее: чтобы наши историки стремились не только ввести в оборот максимальное количество источников, прокомментировать их и тому подобное (в духе классической парадигмы), но и использовать новейшие методы исторической антропологии, микроистории и прочие достижения современной исторической науки, которые уже находят применение в конкретных исследованиях, но пока, как представляется, недостаточно.

Следующий момент собственно связан с предыдущим – это расширение самой тематики работ, посвященных 1812 году. Уже наметился переход от военно-исторической тематики, которая изначально абсолютно доминировала в исторических исследованиях о войне 1812 г., к проблемам, связанным с исторической памятью народов, с социальными и ментальными процессами, экономической историей. <...>

Ну и последний момент, который здесь тоже необходимо отметить – это усиление международного сотрудничества, которое, безусловно, необходимо, причем на разном уровне. Это поможет отечественным исследователям и в освоении тех же данных архивохранилищ разных европейских стран, и в плане расширения собственного исследовательского горизонта.

В.Н. Земцов: Итак, Максим Валерьевич обозначил ряд интересных сюжетов, направлений. Мы общую картину сегодня, надо сказать, представляем себе достаточно неплохо. Действительно, 1812 год, выражаясь не вполне академическим языком, европейцев «зацепил», и они до сих пор вспоминают эти события – кто-то взволновано, кто-то более спокойно (как американцы, которые смотрят как бы издаലെка). Например, французская традиция, на мой взгляд, достаточно цельная. По сути, она за двести лет не изменилась. И Мари-Пьер Рей, крупный французский специалист по истории России начала XIX в., которая недавно посетила Екатеринбург с презентацией своей новой книги, посвященной войне 1812 г., это еще раз продемонстрировала, хотя она использовала и некоторые русскоязычные источники. Немецкая традиция тоже изменилась мало, хотя она и сформировалась изначально в нескольких вариациях. Польская традиция? Тут вообще все понятно – это была их национальная война! Даже итальянская традиция (в целом, наименее разработанная) хорошо прослеживается. А вот русская традиция? Такое впечатление, что постоянно происходит разрыв этой традиции. Такой разрыв

произошел после 1917 г. Потом было некое восстановление, но очень причудливое. Потом – снова разрыв... Есть ли она – русская традиция? Я бы такой вопрос сегодня поставил.

А.А. Постникова: Мне бы хотелось остановиться подробнее на некоторых моментах, связанных с зарубежной историографией. Максим Валерьевич уже отметил, что в зарубежной историографии наблюдается своеобразный антропологический поворот, внимание к человеку. Это отчетливо прослеживается в англо-американской традиции, а в последнее время – и во французской. Обращаясь к человеку, к его чувствам, ощущениям, мыслям и репрезентациям, зарубежные историки реконструируют их по мемуарам и воспоминаниям. И, как следствие, мы видим, что из зарубежных исторических трудов постепенно исчезает архивный материал, делопроизводственные документы, несмотря на имеющиеся у зарубежных коллег возможности работы в архивах. Между тем, даже и некоторые опубликованные источники по-настоящему не введены в научный оборот. <...> Возможно, специфика и своеобразие российской историографии, российской исторической науки заключается как раз в том, что российские историки до сих пор стараются найти эти архивные материалы, воспроизвести именно военную историю «как таковую». И, так скажем, романтично надеются найти истину. В этом наше своеобразие, а не в погоне за какими-то методологическими новациями.

В.Н. Земцов: Суждения, конечно, очень интересные. Хотя, как же отказаться от попытки воспользоваться новыми методологическими принципами? <...> На мой взгляд, это не менее важно, чем поиск архивных материалов. Тем более – у меня сложилось такое впечатление – в сущности то, что имеется у нас в архивах, вряд ли может произвести какую-либо сенсацию или даже серьезно изменить принятый взгляд на какое-то важное событие войны 1812 г. Скорее, эти материалы будут подтверждать, уточнять, дополнять уже сформировавшуюся картину. Может быть, я ошибаюсь, но у меня такое впечатление. То же самое касается и зарубежных архивов... В тоже время я согласен, что мы все-таки отличаемся от зарубежных коллег (та же книга М.-П. Рей тому свидетельство) тем, что у нас сохраняется старая традиция, традиция еще XIX в. – историю мы воссоздаем такой, какой «она была в действительности». Мы все еще «ранкеанцы». Может быть, это действительно является той основой, с которой нам все-таки расставаться не надо, чтобы не витать где-то там, в методологических изысках, пересказывая то, что уже давно известно (как сейчас пытаются делать некоторые товарищи за рубежом).

М.В. Штергов: Владимир Николаевич, мне кажется, что мы сейчас – вольно или невольно – соединили две вещи, которые нужно различать: есть историографические традиции, сформировавшиеся во-

круг события и есть научные традиции историописания... Возвращаясь к тому вопросу, который вы задали: сложилась ли у нас устойчивая традиция о войне 1812 г., традиция, которая бы опиралась на достаточный массив исторической памяти, была бы насыщенной и укорененной в обществе? Это действительно вопрос очень сложный. Кажется, что по каким-то причинам такой устойчивой традиции, мы не имеем.

В.Н. Земцов: Причина этого, наверное, связана не только со сложностью нашей истории последние 200 лет, не только с попытками государства монополизировать, так сказать, историческую память о 1812 г., что, конечно, наблюдается... Но еще и с тем, что мы – россияне, русские, пытаемся найти истину. Французы «истину» давно нашли, она в бюллетенях Наполеона. Они ее просто воспроизводят и все. Для них это и есть истина. Поляки свою «истину» тоже давно нашли. И эта «истина» для них подтверждается Катынью и другими последующими событиями. О чем говорить? Достаточно вспомнить многочисленные разделы Польши... Вот русский человек – не такой. Он пытается найти истину, которая во многом ставит под сомнение или даже отрицает само, так сказать, самостояние русской памяти, противоречит национальному мифу. А может не так? А Бородино мы выиграли или проиграли? А Кутузов? Какой он был? Хороший или плохой? А роль Александра I? Какая она была? И так далее, и тому подобное. То есть причина – в самой амбивалентности наших поисков, вернее, нашей «истины». Отсюда и амбивалентности нашей традиции... вот наверное так! Здесь, наверное, и скрывается наше национальное своеобразие.

М.В. Шистеров: Это, конечно, связано также с нашим историческим опытом, потому что в советское время, например, пытались создать некий миф о 1812 г., который выполнял бы объясняющую функцию. Но когда система, обеспечивающая этот миф, развалилась, вновь встала проблема отношения к тем событиям... Вы правильно отметили – там, где миф работает эффективно; там, где он укоренен; там, где он отражает некие внутренние потребности общества, – он будет прочным. А когда общество нестабильно, а миф искусственно сконструирован – хотя в нашем случае, я думаю, что там были элементы, которые восходили к самому 1812 г. – то, в конечном итоге, это вынуждает к его постоянному пересмотру. Вот отсюда и этот поиск...

В.Н. Земцов: А вот вопрос: «Пересмотрели ли? И почему?». Ведь в конце XX в. у нас вместо прежнего национального мифа образовался некий вакуум. С одной стороны, наука мифы начала разрушать... Это разрушительное начало привело к тому, что образовавшийся вакуум стали заполнять поделки различных халтурщиков. <...> Не они ли формируют новый национальный миф?

А.М. Кручинин: У меня вопрос. Владимир Николаевич, как вы думаете, советская историография о войне 1812 г. она продолжала традиции дореволюционной российской историографии или действительно был разрыв, как вы упомянули после 1917 г.?

В.Н. Земцов: <...> Конечно, в значительной степени продолжала. Как ни парадоксально, но советская историография, начиная с 1930-х гг., воспроизвела в худшем виде дворянско-православную (как ее принято называть) традицию. При этом во многом отказавшись от тех новаторских идей и новых материалов и подходов, которые были предложены и разработаны на рубеже XIX–XX вв. Почему это произошло? Думаю, потому что удобно было, по крайней мере, Власти тогда это казалось удобным... Только вместо Александра I появился М.И. Кутузов, потому что оставить Александра I в качестве спасителя Отечества было невозможно. А так – все один к одному. Были, конечно, и существенные отличия, но сходство действительно бросается в глаза. Оно более зримо в этой традиции.

И.М. Клименко: Несколько слов по этому поводу. Я хотел бы добавить, что для государства в данной ситуации, на мой взгляд, был важнее эмотивный аспект, нежели когнитивный. Вот оно – единство, вот она – Россия. Вот – все вместе, вот – защитники. <...> Все это полезно, по-своему... Конечно, наука зависит от государства. Государство даст деньги, оно поощряет те или иные исследования и подходы, поэтому нет ничего удивительного, что эта патриотическая – и полезная с точки зрения государства! – традиция, она и впредь будет существовать. Более того, она носит консервативный, некий охранительный характер, и, с этой точки зрения, также весьма полезна в определенной мере, но она, конечно, может находиться в расхождении с действительностью, поэтому подлинный историк, который всегда ищет истоки, причины вещей, он не может согласиться в полной мере с подобной интерпретацией.

А.М. Кручинин: Иван Михайлович, но всегда ли эта традиция, провозглашаемая от имени государства полезна? Попытка использовать опыт 1812 г. в период Первой мировой войне (во время великого отступления), спровоцировала грандиозную – и совершенно безобразно организованную – эвакуацию людей. И эта эвакуация, в ходе которой тысячи людей погибли (совершенно бесчелно!), а потом сотни тысяч – особенно, еврейского населения российского Запада – оказались на новом месте, в глубине России, без работы, без корней. Они ведь стали горячим материалом для будущей революции, между прочим...

Е.Ю. Рукосуев: В то же время, если продолжать эту логику, то можно вспомнить, что опыт эвакуации 1915 г. был использован советской властью в 1941–1942 гг....

А.М. Кручинин: Да, все неоднозначно, конечно.

В.Н. Земцов: Здесь ведь вопрос еще заключается в том, что до сих пор ведется спор о существовании или отсутствии в 1812 г. так называемого «скифского плана». Был ли этот «скифский план» вообще? И в этом смысле государственные деятели, проводившие эвакуацию 1915 г., ориентируясь на опыт столетней давности, воспринимали этот опыт, я бы сказал, очень упрощенно, мифологизировано, прямолинейно. <...>

С.Н. Хомченко: Мне бы тоже хотелось добавить несколько слов по поводу новых источников, которые лежат и ждут еще своих исследователей. В 2005–2006 гг., когда я работал над кандидатской диссертацией, собирая данные по французским пленным в Поволжско-Уральском регионе, у меня к моменту защиты (в 2007 г.) была информация примерно о 12 тыс. пленных, которые из нескольких губерний поступили. Обработал я тогда примерно 8 архивов, областных и центральных. За последние 2 года я прибавил к своему списку еще три областных архива и выявил еще 3 тыс. пленных Великой армии. Информации много, на самом деле. Нужно только искать...

<...>

А.А. Постникова: Говоря об исторической памяти, мне бы хотелось обратиться к европейским традициям об отступлении Великой армии из России и символе этого отступления – Березине. <...>

В принципе, современные представления европейцев о событиях на Березине берут свое начало еще с декабря 1812 г., то есть с самого конца войны, с официальной переписки французского командования, писем участников войны, их впоследствии опубликованных воспоминаний. Из всей довольно разнообразной гаммы чувств, переживаний, впечатлений, которые пережили участники тех событий, в памяти европейцев осталась только моральная победа Великой армии на Березине. Я говорю преимущественно о тех, кто принимал участие в сражении – это немцы, поляки, французы, швейцарцы. В других национальных традициях символом Березины является переправа, а не сражение...

В самом начале XIX в. представления европейцев, несомненно, формировались на основе французских исследований, французских мемуаров. Ситуация кардинально изменилась после европейских революций 1848 г., когда все нации стали возрождать память о своем участии в войне 1812 г. и, в частности, о событиях на Березине. В этот период выходит масса различных мемуаров, разных исторических исследований. И что происходит? К концу XIX в. Березина как бы расщепляется на самостоятельные исторические сюжеты, существующие в различных национальных традициях. Она становится и победой швейцарцев, и победой поляков, и победой французов, и победой немцев... Однако, несмотря на такую значительную дифференциацию, именно в конце XIX

в. были созданы наиболее обширные, наиболее глубокие исследования о событиях на Березине. И, наверное, до сих пор подобных исследований более не появлялось. Перед Первой мировой войной ситуация меняется – Березина становится как бы орудием в дипломатической игре. Внезапно оказывается, что Березина – это общая итало-немецкая победа, или символ франко-российского примирения, а после Первой мировой войны – уже франко-польская победа. И таких примеров можно привести достаточно много. Стоит однако сказать, что эти внешние изменения образа Березины, связанные с международной обстановкой начала XX в., не закрепились в памяти европейцев. В большей степени сохранились те элементы образа Березины, которые сложились еще в конце XIX в., на основе мемуарной литературы. В конце XX – начале XXI вв. мы вновь видим, что возрождается именно «национальная Березина», то есть традиции, заложенные еще в конце XIX в. В большей степени, конечно, это событие остается памятным для швейцарцев и французов. Швейцарцы вообще всю войну 1812 г. ограничивают, по сути, одним сражением на Березине! Это единственная национальная традиция, где нет других событий войны 1812 г. И, конечно, там до сих пор царит мнение, что Березина была победой швейцарцев и это именно они спасли Великую армию Наполеона. В свою очередь французская память о войне более противоречива. Здесь образ Березины более сложный, многогранный: с одной стороны, это синоним катастрофы, трагедии; но с другой стороны, это и великая победа французов. В то же время, судя по последним французским исследованиям, они уже стараются как-то «впустить» другие нации в «свою Березину». Так, например, мы видим, что французы стали обращать, наконец, внимание на участие швейцарцев и поляков в этих событиях. <...> Таким образом, французы (не только профессиональные историки, но и само французское общество) в последнее время начинают открывать для себя многие грани и многие сюжеты, связанные с Березиной. К слову, те тенденции, которые наблюдаются сегодня в европейской науке, контакты, которые устанавливаются между англо-американской наукой, французской, немецкой и российской, дают надежду, что память о Березине, возможно, станет в будущем общеевропейской памятью.

Е.Ю. Рукосув: Эти изменения во французской историографии, на Ваш взгляд, связаны с созданием Европейского Союза?

А.А. Постникова: Ну, вообще Европейский союз, конечно, способствовал тому, чтобы европейцы обратились к войне 1812 г. Не только французы, но и немцы разрабатывают этот сюжет... Как раз немцы сейчас очень интересуются межнациональными отношениями внутри Великой армии. Великая армия – это ведь своего рода прообраз Единой Европы. Их исследования показывают, что одной из причин

поражения Великой армии были внутренние раздоры, которые часто инициировали французы. Вот к такому выводу приходят немецкие историки. Что касается Франции, то... французская историография, конечно, более обособлена. Изменения здесь стали наблюдаться со времен Шарля де Голля, когда возродилась идея величия Франции. Постепенно, на протяжении века, французы стали более активно обращаться к войне 1812 г., но мне кажется, что, возможно, не Евросоюз сыграл стимулирующую роль, а больше – деятельность отдельных людей. Например, хотелось бы вспомнить в этом контексте имя Фернана Бокура, который на протяжении многих лет интересовался событиями на Березине и много способствовал установлению контактов между Францией и Россией (также и Белоруссией). И после него эти контакты были продолжены...

В.Н. Земцов: Удивительный был человек. Он за свои деньги поставил памятник на Березине. Каждый год приезжал в Россию. Несколько лет работал в Минском госуниверситете, ничего фактически за свой труд не получая... В настоящее время его сын возглавляет частный Институт Наполеоновских исследований во Франции.

А.А. Постникова: Любопытно, но наиболее достойные работы во французской историографии принадлежат как раз перу непрофессиональных историков, таких как Фернан Бокур или Алан Пижар... Это заставляет задуматься: может быть, эти ученые как раз выделяются потому, что не были во власти определенных стереотипов, которое накладывает французское историческое образование.

В.Н. Земцов: Я бы назвал еще несколько таких достойных людей, благодаря которым за последние два-три десятилетия произошел настоящий переворот в изучении войны 1812 г. – это обратившийся к «живой истории» англо-американский журналист и историк Куртис Кэйт; англо-шведский писатель и журналист, создавший великую трилогию о войне 1812 г. (на английском языке), Пол Бриттен Остин; франко-немецкая писательница Анка Мульштайн, в 2007 г. опубликовавшая на немецком языке книгу «Пожар Москвы»... Вот эти люди, которые находились и находятся на стыке разных культур. Это тоже очень интересный момент – веяние времени в некотором роде. <...>

Раздумывая над тем, как воспринимается 1812 г. в разных национальных традициях, я прихожу к выводу, что большинство европейских традиций покоятся на наследии Наполеона. Кстати, историком (как и политикам) вообще-то надо бы поучиться этому – как остаться в истории и что нужно для этого сделать, чтобы через 200 лет созданный тобою миф по-прежнему воспроизводился. Конечно, Наполеон отразил в своих бюллетенях и воспоминаниях определенные ощущения и чувства, которые многие европейцы действительно испытали в 1812 г. Эти люди

– прежде всего, участники похода в Россию – накладывали свой жизненный опыт на определенный, я бы сказал, культурно-исторический стереотип. Ведь те, кто потом писал мемуары, были людьми, конечно, образованными или даже близкими к литературе, склонными к творчеству. «Илиада» и «Одиссея»! Поход в Россию – это своеобразная «Илиада», поход в дальние страны (непонятно зачем?), вплоть до Индии... А самое главное – «Одиссея», то есть то, как они (Великая армия) возвращались обратно. И вот здесь – человек... Почему человеческий аспект сегодня для всех европейцев очень важен? Да потому, что человек тогда был на грани превращения в животное! Сегодня цивилизованная Европа, а завтра – какая она может быть? Это история о том, как человек противостоит возвращению в животное состояние. И вот, та же Березина. <...>

Историческая память русских. Что это? Это Бородино! Безоговорочно. Даже не Москва. Это, прежде всего, Бородино. Ту же Березину не все вспомнят, Малоярославец тоже, Смоленск... Для европейцев, что главное? Березина! Почему? Потому что Березина – это Рубикон. Даже не Рубикон. Рубикон был в начале, когда они переходили Неман, а потом самое главное – Стикс. Они оказались в другом мире, в царстве мертвых... пустыня, белый снег... Здесь люди умирают, надо пересечь эту реку, возвратиться в царство живых. Обратно – к цивилизации! И вот это ощущение, что они все-таки преодолели эту угрозу – превратиться в мертвого человека, или – что еще хуже! – оказаться в плену, возвратились обратно, к себе домой. У них это настолько засело в сознании, в их исторической памяти, что для европейцев главное в 1812 г. – это Березина, а для нас, русских – Бородино. Несмотря на то, что в военном отношении мы проиграли, но для нас Бородино – это победа. Вот какая интересная вещь национальная историческая память.

<...>

М.В. Шистеров: За европейцами, действительно, был колоссальной глубины пласт исторической памяти, уходящий корнями к «Илиаде» и «Одиссее», походам Александра Македонского... Отсюда в значительной степени и восприятие европейцами себя как завоевателей, как наследников Александра Великого... Вообще-то говоря, для них мы тогда были своеобразной Персией, воплощением Востока: обширной, нависающей над Европой, страшной, коррумпированной, богатой, но при этом варварской и чуждой страной...

В.Н. Земцов: Не хотел бы полностью согласиться с вашим последним тезисом. Это, я бы сказал, несколько прямолинейный взгляд на то, как воспринимали нас европейцы в 1812 г. – как варваров! Я бы так не сказал. По моему глубокому убеждению и сам Наполеон, и многие французы, участники похода, воспринимали Россию как страну, которая

во многом цивилизацию уже освоила, благодаря Петру I. Скорее, можно говорить об обратном – Наполеон слишком переоценивал нашу «европейскость». Я даже не уверен, что к концу 1812 г. он осознал насколько, так сказать, страшен этот русский дух, которого он выпустил из бутылки. Наполеон все еще не верил в то, что произошло. Тот же пожар Москвы! Он был убежден, что французы жгут! Как можно жечь свою собственную столицу? А для нас это как раз вещь достаточно нормальная. И в этом плане, мне кажется, здесь все-таки важно правильно расставить акценты...

М.В. Шистеров: Я, в целом, с Вами согласен Владимир Николаевич. Я специально несколько утрировал этот момент. В действительности, образ России был амбивалентным, конечно. Однако когда было необходимо, можно было направленно актуализировать образ «варварской страны».

В.Н. Земцов: Действительно. Кто нашептывал Наполеону, что Россия – варварская страна, что надо с ней разделаться? Это поляки, конечно. <...>

И все-таки интересно узнать, как сейчас «живет» Бородинское поле, сердце нашей памяти о войне 1812 г.?

Е.В. Семенищева: История Бородинского поля как исторического памятника начинается с 1835/1836 г., когда по приказу русского царя Николая I было решено поставить монумент на Бородинском поле, в память о победе в Отечественной войне 1812 г. Приняли решение возвести этот памятник на месте «батареи Раевского» (Курганная высота), так как рядом проходил Смоленский тракт, с которого памятник был бы хорошо виден. Однако в то же самое время в другом министерстве решался вопрос о перенесении дороги, связывающей западные губернии России с Москвой, почти на 50 верст южнее. Это поставило под вопрос установку памятника – зачем ставить, если памятник будет далеко от основной дороги? Дело дошло до императора, который своим решением постановил оставить дорогу на прежнем месте и установить памятник на месте «батареи Раевского», для чего были выкуплены вблизи Бородино земли у местных помещиков. В дальнейшем, до 1917 г. Бородино было царским поместьем. Там возник дворцово-парковый ансамбль. <...> Вообще, внимание императорской семьи к Бородинскому полю было очень значительным... В 1912 г. Бородино посетил Николай II, в связи с празднованием 100-летия Отечественной войны. К сожалению, в дальнейшем – ни в советский период, ни в постсоветский – руководители нашей страны на Бородино больше не бывали. Хотя в 1975 г. Бородино посетил В. Жискард д'Эстен, а в 1987 г. поле посетила делегация Политбюро, но без М.С. Горбачева...

<...>

Буквально, год назад на Бородинском поле стали происходить очень неприятные события. Дело в том, что был принят закон о передаче земель из сельскохозяйственного пользования под дачное строительство. Под действие этого закона попало и Бородинское поле, несмотря на то, что еще в 1961 г. постановлением Совета министров СССР оно стало Музеем-заповедником площадью 109 кв. км. Однако это тоже земля сельскохозяйственного пользования. Музеем принадлежит только земля под памятниками и экспозиционными залами/постройками. Кстати, закона о музеях-заповедниках в России нет! Теперь эти земли стали продаваться и застраиваться... Государство на эту ситуацию пока не реагирует, несмотря на то, что мы всеми средствами стараемся привлечь внимание к данной проблеме... В настоящее время, строительство коттеджей на Бородинском поле приостановилось, идут суды, итоги которых пока не ясны. Так что мы сидим на «пороховой бочке», можно сказать... Впрочем, есть, конечно, и положительные моменты: в преддверии юбилея усилено финансирование, благодаря чему еще в 2008 г. Музей начал делать экспозицию, посвященную 200-летию Отечественной войны 1812 г. Открыли экспозицию гостиницы «Монастырская», в которой останавливался Л.Н. Толстой, когда приезжал в 1867 г. на Бородинское поле. Сейчас строится новая экспозиция «Славься век Бородино» в здании у «батарей Раевского» и началось восстановление дворцово-паркового ансамбля в селе Бородино (старый деревянный ансамбль был сожжен немцами в январе 1942 г.). Планируем закончить его восстановление (по сути, это будет новый ансамбль, приспособленный под нужды Музея) к 2014 г. Кроме прочего, у «батарей Раевского» планируется разбить специальную благоустроенную территорию – небольшой сквер Памяти, где будут выставлены мемориальные доски, с указанием всех полков принимавших участие в Бородинском сражении. И такой же небольшой сквер с мемориалом будет у Шевардина, где находился командный пункт Наполеона. Здесь будут указаны все полки Великой армии, принимавшие участие в Русском походе. <...>

Мы, конечно, надеемся, что юбилей пройдет хорошо, и будем рады видеть многочисленных гостей на Бородинском поле, но многое будет без сомнения, зависеть от графика первых лиц государства, которые планируют в этом году посетить, наконец, Бородино. <...>

В.Н. Земцов: Спасибо. Елена Васильевна. Насколько мне известно. Сергей Назарович принимал активное участие в археологических изысканиях на Бородинском поле.

С.Н. Хомченко: Да, совершенно верно. Главный заказчик археологических работ на Бородинском поле – это, естественно, наш Музей, но, так как своих археологов у нас нет, то привлекаем специалистов ГИМа. Все обнаруженные предметы, естественно, попадают в музейные

фонды. Наша главная находка на сегодняшний день – в 2007 г. на месте «батареи Раевского» был обнаружен французский Орден Воссоединения, который, очевидно, принадлежал знаменитому генералу Отюсту Коленкуру, погибшему во время штурма батареи французами. В новой экспозиции, которую мы будем открывать этим летом, надеюсь, этот орден тоже будет присутствовать. Верхнее колечко (петелька) у ордена перебито (по-видимому, картечью), поэтому он, очевидно, и упал. Таким образом, то место, где был найден орден, можно с высокой степенью вероятности считать местом гибели О. Коленкура (уже внутри укрепления батареи, кстати). В целом, находок очень много: различные боеприпасы, иногда – личные вещи солдат. <...> В 2010 г. перед началом строительных работ в селе Бородино, где восстанавливается Николаевский дворец, археологические исследования выявили на месте усадьбы Давыдовых массовое погребение (на месте винной ямы). Было обнаружено много косных останков, которые позволили сделать некоторые выводы: в основном, это были скелеты лошадей (57 или 58) и 9 человеческих скелетов. Вещей найдено очень мало. На почти 60 лошадей найдено только 3 подковы, что явно свидетельствует о том, что крестьяне, которые занимались захоронением, многие вещи, очевидно, оставляли себе. Обнаружены также некоторые детали амуниции, несколько пуговиц, по которым останки были рассортированы на русских и французов. Теперь мы планируем захоронить их в небольших братских могилах, вблизи тех скверов, о которых говорила ранее Елена Васильевна. Кроме того, совсем недавно (прошлой весной), вблизи того же села Бородино археологи наткнулись на немецкие могилы 1941–1942 гг. – всего около 60 человек. Их останки подняты и отправлены на родину. <...>

В.Н. Земцов: Сергей Назарович, а что касается других массовых захоронений – в Утицком лесу, например – их поиски продолжаются?

С.Н. Хомченко: ...К 1912 г. на карте Генштаба было обозначено чуть более десятка таких захоронений на территории Бородинского поля. Сейчас известны только три массовых захоронения: два в Утицком лесу и вот эта «винная яма», о которой я ранее говорил. Мы примерно знаем сейчас где эти захоронения, но исследований не проводится. Да они, мне кажется, и не нужны.

Е.В. Семенищева: Конечно, хотелось бы определить как можно большее количество этих могил. Не для того, чтобы их «вскрыть», но чтобы обозначить места. <...>

С.Н. Хомченко: ...Несмотря на то, что многие предметы, описанные в отчетах советских археологов, сейчас утеряны (в Музее их нет!), каждый год к нам поступают тысячи новых артефактов (в основном, вследствие археологических раскопок, конечно)...

В.Н. Земцов: Вы знаете, все-таки неслучайно было показано (уже в завершающей части нашего «круглого стола») изображение найденного археологами на Бородинском поле Ордена Воссоединения, принадлежавшего Огюсту Коленкуру, – символу воинской славы Франции, захватившему, якобы, «Большой редут» (хотя многие знают, что не французы Коленкура его захватили!), но для Франции – это, своего рода, национальный миф... И сам факт того, что спустя 200 лет, здесь – в Екатеринбурге, русские, сидя за «круглым столом», восхищаются тем, что этот символ французской воинской доблести был неожиданно найден, очень символичен, конечно... «Путем войн – к миру!» Это не только девиз движения военно-исторической реконструкции, через которое прошли многие историки, но это также великое дело и символ нашего времени. И нынешний юбилей – 200-летие Отечественной войны 1812 г. – также, возможно, способствует тому, что новые поколения молодых людей и девушек «загорятся» идеей сохранения памяти об этой войне. В заключение я предоставляю слово декану исторического факультета УрГПУ Ивану Михайловичу Клименко.

И.М. Клименко: Спасибо. Я хочу выразить благодарность всем принявшим участие в работе «круглого стола» и особенно, нашим московским коллегам, приехавшим издалека... Конечно, сложно подводить какие-то конкретные итоги, ибо процесс познания бесконечен, а истина поливалентна... Каждая интерпретация по-своему интересна, но я хочу поддержать мысль, высказанную Владимиром Николаевичем: «Через бой – к миру!». У меня есть еще одна аллюзия: через сопротивление Европе – к Европе! Потому что тот узкий культурный слой офицерства, который в 1812 г. вел за собой русских солдат, не слишком-то разбирающихся в тонкостях политики, всегда ассоциировался с Европой и в борьбе с этой Европой, воплощенной в армии Наполеона, доказал, что Россия – это не темная Азия, а именно европейское государство... В завершение хочу также поблагодарить кафедру всеобщей истории и лично Владимира Николаевича Земцова, который, по крайней мере для нашего факультета, является в некотором роде символом тех событий, юбилей которых мы отмечаем в этом году. Всем спасибо!

*Текст стенограммы отредактирован
к.и.н. М.В. Шистеровым и Н.Ф. Шестаковой*